

**К 125-летию
ПРОФЕССОРА К. Э. ГРИНЕВИЧА.
1891–1970**

С. В. Дьячков, О. А. Ручинская

**Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970).
Страницы биографии**

Третью часть своего капитального труда «Стены Херсонеса Таврического» Константин Эдуардович Гриневич предварил пересказом слов Полибия: «Я же считаю, что не следует ни пренебрегать показаниями этого историка, ни считать его непогрешимым; наоборот, читатели должны выводить свои суждения из самих фактов» (Полибий, Всеобщая история, III, 9)¹ [Список: 105, с. 75]. Эти слова древнегреческого историка в полной мере относятся к самому Константину Эдуардовичу — ученому, археологу, историку, педагогу, человеку сложной судьбы в сложное время (рис. 1). В наших очерках, посвященных биографии и научно-педагогической деятельности К. Э. Гриневи́ча, мы постараемся уделить внимание в том числе жизненным обстоятельствам, о которых обычно не вспоминают в юбилейных статьях.

ДЕТСТВО

К. Э. Гриневич родился в г. Вологда 21 сентября 1891 года в дворянской семье [1]. Его отец — Гриневич Эдуард Казимирович, родом из Литвы, служил уездным землемером. Мать — Анна Петровна Гриневич, в девичестве Тарасова, была сельской учительницей, но после замужества полностью посвятила себя семье. Впрочем, в документах советского времени дворянское происхождение профессора Гриневи́ча по понятным причинам не получило отражения [2, л. 1, 3]. Семейство Гриневи́чей имело двоих сыновей, помимо Константина, был еще приемный сын Н. В. Томашевский [3; 4]. В 1898 г. семья переехала в Харьков.

В Харькове Константин Гриневи́ч поступил в Третью гимназию. К началу XX в. в городе Харькове существовало четыре классические казенные мужские гимназии. Наиболее престижными считались Первая и особенно Вторая гимназия, которую в разные годы закончили выдающиеся деятели науки и культуры нашей страны, академики И. И. Мечников, В. П. Бузескул, Н. Ф. Сумцов и многие другие. Третья Харьковская гимназия также давала хорошую классическую подготовку. Она была основана в 1864 г. и располагалась на улице Кокошкинской (ныне ул. Гоголя) в здании,

¹ В настоящем издании на с. 194–198 публикуется уточненный список трудов К. Э. Гриневи́ча. Далее в тексте: [Список].

@ С. В. Дьячков, О. А. Ручинская, 2016

Рис. 1. Профессор К. Э. Гриневич в рабочем кабинете (Харьков, 60-е)
(из фондов Музея истории ХНУ имени В. Н. Каразина. Ф. 8. — Оп. 4. — П. 9)

построенном университетским архитектором И. П. Гиншем. Педагогический коллектив был тщательно подобранным, преподавание велось с ориентиром на дальнейшую учебу в Харьковском университете [5; 6, с. 91]. Именно педагоги Третьей гимназии стали инициаторами создания частных гимназий [7]. Во время учебы в гимназии К. Э. Гриневич отдавал предпочтение изучению истории и языков, в особенности немецкого языка, который ему очень пригодился в период заключения в Карагандинском лагере. Любовь к языку К. Гриневичу, возможно, привил его учитель, выпускник историко-филологического факультета Московского университета Иогансен (Иогансен) Гervasий Генрихович [8]. В листке по учету кадров профессор К. Э. Гриневич в 1953 г. указал, что знает пять языков: немецкий, французский, английский, древнегреческий и латынь [2, л. 4]. В 1910 г. К. Э. Гриневич с серебряной медалью окончил гимназию и поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Харьковского императорского университета [9, с. 204].

УНИВЕРСИТЕТ

За время учебы в университете (1910–1915) Константин Гриневич проявил себя как талантливый молодой ученый. Уже в 1913 г., будучи студентом III курса, он написал свою первую научную работу в области антиковедения: «Греция накануне Македонского владычества. Подготовка эллинизма», за которую был удостоен золотой медали [10, с. 187]. Данную работу высоко оценил в своем отзыве В. П. Бузескул [11, с. 1–18]. Впоследствии Константин Эдуардович неоднократно подчеркивал, что считает себя учеником этого известного историка-античника [12, с. 51]. В стенах университета К. Э. Гриневич слушал лекции плеяды выдающихся отечественных историков и филологов-классиков — И. В. Нетушила, В. П. Бузескула, Н. Ф. Сумцова, Д. И. Багаля, Р. И. Шерцля, Ф. И. Шмита, Е. Г. Кагарова [13, с. 3–5]. Это, безусловно, способствовало становлению его как отлично подготовленного специалиста и определило дальнейшие научные приоритеты: античная история, археология, история искусств. В 1913 г. на собственные средства, заработанные частными уроками,

И
С
Т
О
Р
И
Я

К. Э. Гриневич совершил поездку по Греции с целью изучения археологических памятников и предметов искусства. Результатом этой командировки стала работа «По Элладе» [Список: 5] а также статьи, опубликованные в журнале «Гермес» [Список: 1; 2]. В 1914 г., в связи с публикацией Вячеславом Ивановым перевода стихов лесбосских поэтов Алкея и Сапфо, К. Э. Гриневич публикует статью «Versus Sapphicus», в которой излагает собственные взгляды на принципы перевода античной поэзии [Список: 3]. По всей видимости, он был лично знаком с В. Ивановым, известным русским поэтом, философом, переводчиком, в архиве которого сохранились три письма К. Э. Гриневича из Харькова и Петербурга. В одном из своих писем (от 10 мая 1912 года) он даже посвятил В. Иванову акrostих [14, с. 134–159].

С 1914 г. К. Э. Гриневич принимал участие в археологических исследованиях Ольвии (под руководством Б. В. Фармаковского), Боспора (под руководством В. В. Шкорпила) и Херсонеса. Во время раскопок Ольвии он пытался найти доказательства личного пребывания здесь Геродота, который описывал большой и богатый город, окруженный мощными стенами с башнями и воротами (Геродот, IV, 78–79). Не найдя археологических подтверждений сообщением греческого историка, молодой ученый написал статью, в которой выразил сомнение в достоверности его сведений [Список: 7].

К. Э. Гриневич успешно завершил обучение в Харьковском университете в 1915 г. и получил диплом 1-й степени. Его оставили для подготовки к профессорскому званию при кафедре теории и истории искусств под руководством В. П. Бузескула и Ф. И. Шмита. В отличие от предшествующих поколений историков (выпускников Харьковского университета по окончании учебы обычно направляли на стажировку за границу), в условиях Первой мировой войны К. Э. Гриневича командировали в Петроградский университет. Здесь ему посчастливилось работать под руководством мэтров российской и европейской науки о древностях Д. В. Айналова, С. А. Жебелева, М. И. Ростовцева, Я. И. Смирнова, Б. А. Тураева, Б. В. Фармаковского и других видных ученых того времени. Одновременно он состоял сотрудником Археологической комиссии и Эрмитажа. В 1917 г. К. Э. Гриневич выдержал магистерские экзамены и в 1918 г. стал приват-доцентом, а впоследствии и доцентом Петроградского университета [9, с. 204; 10, с. 187].

КЕРЧЬ

В 1918 г. практически сразу после получения в Петроградском университете звания приват-доцента К. Э. Гриневич был командирован для проведения археологических раскопок в Керчи и Херсонесе. Гражданская война задержала его в Крыму надолго. В ноябре 1919 г. по рекомендации Л. А. Моисеева, приказом Управления народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А. И. Деникине Константин Гриневич был назначен заведующим Керченским музеем древностей, которым руководил до 10 июля 1921 года [15, с. 123–125].

В сложных условиях разрухи, Гражданской войны и повсеместного ограбления древних памятников новый директор Керченского музея К. Э. Гриневич продолжал исследование Пантикапея, привлекал общественность к охране памятников. В 1920 г. он провел небольшие раскопки и обнаружил захоронения эллинистического и римского времени на склонах горы Митридат. Вынужденные раскопки проводились по следам грабительских раскопок «счастливчиков». К. Э. Гриневич выпустил воззвание к кладоискателям, в котором разрешалось «разрывать всем, но при условии предварительного осведомления директора и только под его наблюдением и руководством». При этом право первой покупки вещей предоставлялось музею. Самочинных кладоискателей обещали беспощадно преследовать.

Занимаясь культурно-просветительской работой, К. Э. Гриневич подготовил несколько путеводителей по музею и памятникам Керчи на русском и французском языках, учитывая присутствие оккупационных войск Антанты в Крыму. С января

по июнь 1920 г. при музее работали археологические курсы, на которых известные ученые М. В. Довнар-Запольский и Ю. Ю. Марти читали лекции по классической археологии, истории Боспора, а также проводили практические занятия.

Помимо раскопок, К. Э. Гриневич изучал историческую топографию Керченского и Таманского полуостровов [16, с. 44–45]. По его инициативе в 1921 г. были возобновлены археологические раскопки на территории Фанагории, зафиксировано общее состояние городища и некрополей, особое внимание ученый обратил на состояние курганов, подвергшихся абразии [17, с. 50–54]. Интересно, что «керченский период» жизни и трудов К. Э. Гриневича, прошедший в условиях иностранной оккупации и «белого режима», в автобиографии и других документах, составленных в 1953 г., на всякий случай был опущен [2, л. 2–4].

В холодной и голодной Керчи ему явно не хватало простора для серьезной научной деятельности (см. статью А. А. Непомнящего в настоящем ежегоднике). В июле 1921 г. К. Э. Гриневич вернулся к преподаванию в Петроградском университете в качестве приват-доцента (с 1927 г. — доцента). В университете К. Э. Гриневич читал общий курс по археологии, лекции по истории древнего искусства, древней истории и музейному делу, специальные курсы «Греческие колонии юга СССР», «Греческие древности». Одновременно он стал научным сотрудником Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК) [15].

СЕВАСТОПОЛЬ

В соответствии с постановлением СНК и ЦИК Крымской АССР от 31 января 1924 года все здания бывшего монастыря св. Владимира в Херсонесе передавались для организации в них археологического музея с научной экспозицией. В апреле 1924 г. К. Э. Гриневич, без отрыва от преподавательской работы в Ленинградском университете, был назначен по совместительству директором Херсонесского археологического музея. Помимо этого, он исполнял обязанности заведующего Севастопольским ОХРИСом, став, таким образом, руководителем всей музейной системы в Севастополе [18, с. 80–81], продумывая все музейные экспозиции города [Список: 26, с. 1–14]. С особым рвением К. Э. Гриневич взялся за создание музея в Херсонесе на новой «марксистской» основе, изложив свои взгляды в специально посвященной данной проблеме работе — «За новый музей. Херсонесский музей как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве» [Список: 49]. Его главной идеей была тематическая экспозиция, а цель — максимальное приближение музея к широкому массам населения. Подчеркнем, что на протяжении активной научной и организаторской деятельности в Керчи, Севастополе, Томске, Нальчике, Харькове К. Э. Гриневич много и успешно сотрудничал с газетами и другими средствами массовой информации, считая их союзниками в распространении знаний о древней и средневековой истории, краеведении и в борьбе с «черными археологами».

Деятельность К. Э. Гриневича на посту директора музея была необычайно плодотворной и многоплановой. Он поддерживал одаренную и увлеченную научную молодежь, влюбленную в Херсонес. Здесь делали первые шаги в науке сотрудники музея и студенты-практиканты, ставшие в последствии известными учеными, Г. Д. Белов, А. Н. Белова-Кудь, В. Д. Блаватский, Е. В. Веймарн, В. Ф. Гайдукевич, М. М. Кобылина, Н. В. Пятышева и др.

С 1924 г. К. Э. Гриневич руководил масштабными археологическими исследованиями в Крыму. Особенно его интересовали оборонительные сооружения причерноморских городов и памятники Гераклеяского полуострова, где им были выявлены десятки сельскохозяйственных усадеб, свидетельствовавших о первостепенном значении хоры Херсонеса в его экономической жизни [20, с. 284–294]. К 1927 г. Константин Эдуардович разработал план систематических раскопок Херсонеса большими площадями, который лег в основу археологических исследований последующих

поколений. Под его руководством научные сотрудники музея провели огромную работу по созданию научной экспозиции, паспортизации и публикации материалов из дореволюционных раскопок [21, с. 51–71].

В годы работы в Крыму К. Э. Гриневич опубликовал две части монографии «Стены Херсонеса Таврического», защищенные впоследствии в качестве докторской диссертации [Список: 35; 46]. Он стал основателем и главным редактором «Херсонесского сборника» (вып. I—III), в котором публиковались актуальные научные исследования и материалы археологических раскопок. До сих пор «Херсонесский сборник» является авторитетным и признанным в научном мире изданием. В целом, за время пребывания К. Э. Гриневича на посту заведующего в 1924–1928 гг. была создана постоянно действующая музейная экспозиция, а за Херсонесским музеем прочно закрепился статус научно-исследовательского центра, важнейшего объекта популяризации научных знаний об эпохе античности и средневековья в Крыму. Деятельность К. Э. Гриневича на посту директора херсонесского музея древностей в наше время получила высокую оценку отечественных и зарубежных специалистов [22, с. 13–17, 28–29; 23, с. 42–45; 24, р. 54–55].

К. Э. Гриневич мыслил масштабно и тщательно продумывал план археологических исследований и музейного строительства на Крымском полуострове. Он активно участвовал в подготовке Всесоюзных конференций археологов. Первая Всесоюзная археологическая конференция, приуроченная к столетнему юбилею Керченского музея древностей, состоялась в Керчи в 1926 году. Большую роль в развитии отечественной археологической науки сыграла Вторая Всесоюзная конференция, посвященная столетию раскопок Херсонеса Таврического (Севастополь, 10–13 сентября 1927 года). В работе конференции приняли участие более 80 известных специалистов, среди них В. П. Бузескул, В. А. Городцов, Н. И. Новосадский, О. Ф. Вальгауэр, Ю. Ю. Марти и др. Работа конференции, проходившая в двух секциях, была необычайно насыщенной. По итогам конференции была принята резолюция, в которой обозначены приоритетные направления дальнейших исследований, сформулированы задачи по охране памятников археологии [22, с. 17–18].

МОСКВА

Плодотворную деятельность К. Э. Гриневича заметили в министерских кругах. В 1926 г. за заслуги в научной и музейной работе ему присваивают звание профессора, а в следующем году переводят на должность заместителя заведующего Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР. Свое понимание развития археологической науки и музейного дела он изложил в Симферополе на съезде по изучению производительных сил Крыма в 1928 г. в докладах «План археологических исследований в Крыму» и «Музейное строительство в связи с задачами социалистического строительства и культурной революцией».

Помимо министерской работы, К. Э. Гриневич заведовал отделом скульптуры Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, выполнял обязанности ученого секретаря музейноархеологической секции Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). В 1928 г. он был избран действительным членом Института археологии и искусствоведения РАНИОН [10, с. 187]. На должности сверхштатного профессора К. Э. Гриневич преподавал в Первом Московском государственном университете, читал курс музееведения в Московском институте новых языков [9, с. 204].

В 1929–1930 гг. К. Э. Гриневич впервые в СССР создал комплексную экспедицию Московского НИИ археологии и искусствознания РАНИОН с привлечением водолазов ЭПРОНа и кинооператора Б. Б. Цейтлина для подводных археологических исследований. Экспедиция предприняла поиски «подводного Херсонеса» у берегов Маячного полуострова. Здесь якобы были обнаружены остатки построек в виде стен,

сложенных из булыжника и тесаного известняка, а также вымостка площади и руины построек. «Город» этот находился близ нынешнего Херсонесского маяка и вследствие какой-то катастрофы был поглощен морем [Список: 66, с. 23]. После таких сенсационных находок в газетах писали, что экспедицией найден, наконец, древнейший Херсонес, описанный Страбоном. В 1931 г. был снят документальный подводный фильм «Город в море». Однако находка «затопленного города» сразу вызвала много споров и резкую критику в ученой среде. К. Э. Гриневича обвиняли в фальсификации результатов подводных изысканий. По воспоминаниям С. Ф. Стржелецкого, который юношей принимал участие в работе экспедиции, сам К. Э. Гриневич в водолазном снаряжении опускался на дно лишь дважды, но оба спуска нельзя признать успешными [25, с. 57–61]. Поэтому исследователь был вынужден довериться впечатлениям и рассказам водолазов. Сегодня большинство археологов считает, что составленный план «подводного Херсонеса» представлял собою плод неточных наблюдений и фантазии неопытных и малограмотных водолазов [26]. Впоследствии эти подводные исследования сыграли драматическую роль в судьбе самого ученого [27, с. 28–30].

ЛАГЕРЬ

В 1929 г. И. В. Сталин взял курс на подавление остатков свободомыслящей интеллигенции. На волне борьбы с религией музеи начали избавляться от икон и церковной утвари, многие экспонаты, не отвечавшие пролетарской идеологической направленности, также решительно удалялись из экспозиций. На I Всероссийском музейном съезде в Москве (1930) марксисты призвали «очистить музеи не только от хлама старинных вещей, но и от человеческого хлама». Под «хламом» подразумевали представителей дореволюционной интеллигенции. Гонениям на краеведение и археологию был дан официальный старт. Главным застрельщиком выступило Общество краеведов-марксистов (ОКРАМ), выпускавшее журнал «Советское краеведение» [27, с. 50]. Первой жертвой пал РАНИОН. «Буржуазному» термину *археология* противопоставили другой, идеологически более выдержанный — *история материальной культуры*. В задачу «новой» науки входило изучение социального строя, хозяйства, быта древних людей, археологии же отводили роль второстепенной вспомогательной исторической дисциплины. Новые идеологические постулаты закрепили в решениях Всероссийского археолого-этнографического совещания в 1932 г. [27, с. 56–57].

В 1930 г. развернулись чистки академических учреждений Москвы и Ленинграда [28, с. 15]. К. Э. Гриневича арестовали по доносу в 1932 году. Его обвинили в том, что во время спиритических сеансов он якобы «вызывал дух штурмовика Рема». Постановлением Особого совещания при ГПУ ученого выслали в Новосибирск, где он в 1933–1935 гг. работал профессором Института повышения квалификации кадров народного образования Западно-Сибирского края и научным консультантом местного краеведческого музея. Следует подчеркнуть, что все шесть московских профессоров, в число которых вошел К. Э. Гриневич, арестованных в 1930–1932 гг., были не только лояльны советской власти, но и активно сотрудничали с нею. Их вина заключалась в том, что все они в разные годы бывали за рубежом и общались с иностранцами [29, с. 197–198].

На этом злоключения ученого не закончились. В 1935 г. К. Э. Гриневича обвинили в выдаче вражеским разведкам подходов к севастопольским бухтам (вспомнили о подводных исследованиях Херсонеса). Его снова арестовали и отправили в Карлаг (Карагандинская область, Казахстан) [20, с. 288]. В 1935–1940 гг. К. Э. Гриневич отбывал заключение в Карагандинском лагере, где его определили преподавателем истории, географии и немецкого языка Долинской средней школы. В этой школе учились дети, родители которых «трудились» в системе ГУЛАГа [30]. Потеряв зубы от цинги, тяжело больной Константин Эдуардович был реабилитирован в 1940 г., но без права проживания в европейской части Советского Союза.

ТОМСК¹

Восемь лет своей жизни, научного творчества и педагогической деятельности К. Э. Гриневи́ч (с 1 сентября 1940 года по 1 ноября 1948 года) отдал только что открывшемуся историческому факультету Томского государственного университета. В Томске в январе 1941 г. пятидесятилетнему К. Э. Гриневи́чу выдали трудовую книжку, где в графе «профессия» он указал: «историк-археолог». Заметим, что в трудовой книжке были признаны 25 лет предыдущей работы «по найму». Из них 20 лет подтверждали документы, а пять лет «трудового стажа» засчитали со слов К. Э. Гриневи́ча [2, л. 3]. Опальному, но хорошо известному в научных кругах ученому доверили заведовать кафедрой древней истории. Учебная нагрузка, как всегда, была весьма значительной. К. Э. Гриневи́ч читал курсы лекций по истории доклассового общества, истории Греции и Рима, основам археологии, а также вел практические занятия по древней истории [31, с. 16]. По совместительству он состоял профессором Томского государственного педагогического института. По воспоминаниям студентов, К. Э. Гриневи́ч был безгранично влюблен в науку о древней истории и археологии. На лекциях, практических занятиях и заседаниях студенческих кружков он пытался привить своим ученикам интерес и любовь к делу, которому служил. Не случайно первая благодарность, зафиксированная в Трудовой книжке ученого, была объявлена именно за организацию работы студенческого научного кружка [2, л. 28]. Как вспоминает бывшая первокурсница Е. П. Бельтюкова, 22 июня 1941 года К. Э. Гриневи́ч должен был принимать у первокурсников экзамен по истории Древней Греции и Рима [31, с. 50]. Всей стране пришлось выдержать страшный и тяжелый экзамен...

Война решительно изменила жизнь Томска, расположенного за тысячи километров от фронта. Город стал местом эвакуации промышленных предприятий, научных и учебных заведений. Резко обострились жилищные проблемы, возникли сложности с обеспечением людей продуктами питания. Вузовские работники и студенты были отнесены ко второй категории служащих, поэтому их дневной паек составлял 400 г хлеба и небольшое количество растительных жиров, рыбы и конфет. Лишения и потери не обошли стороной К. Э. Гриневи́ча. От туберкулеза в сентябре 1943 г. умерла его первая жена Н. А. Викторова [32, л. 45].

После эвакуации столичных вузов Томск неожиданно превратился в крупный центр гуманитарных наук. Преподавательский состав местного историко-филологического факультета университета пополнили известные историки и филологи. Например, кафедру истории средних веков возглавил крупный ученый-медиевист А. И. Неусыхин. Заведующим кафедрой русского языка и литературы был назначен директор Института украинской литературы АН УССР, профессор Харьковского университета, заслуженный деятель науки, член Украинской академии наук А. И. Белецкий [31, с. 18–19]. Большое значение в жизни К. Э. Гриневи́ча и Томского университета имела успешная защита диссертации «Стены Херсонеса Таврического» на соискание ученой степени доктора исторических наук. Она состоялась в 1944 г. на заседании Ученого совета МГУ. В условиях тоталитарного режима и тяжелейшей войны защита докторской диссертации бывшим «зэком» — это уникальное событие, которое сыграло не последнюю роль для полной реабилитации ученого.

В тяжелом и все еще голодном 1944 г. совместная археологическая экспедиция Томского госуниверситета и Томского пединститута под руководством профессоров К. Э. Гриневи́ча и А. П. Дульзона возобновила исследования древних поселений, курганов и могильников в районе реки Басандайки (рис. 2, 3) [Список: 83; 85–87]. По мнению специалистов, комплексные исследования 1944–1946 гг. городища

¹ Выражаем искреннюю признательность доцентам исторического факультета Томского государственного университета Н. В. Торошиной и И. В. Черновой за ценную информацию о жизни и деятельности К. Э. Гриневи́ча в Томске.

Рис. 2. К. Э. Гриневич (с трубкой в светлом костюме) в группе участников археологической экспедиции на Басандайском могильнике 1. Урочище Басандайка 1944 г.

(Государственный архив Томской области. Ф. Р-1763. — Оп. 1. — Д. 121. — Л. 19)

Рис. 3. Раскопки Басандайского могильника 1.

К. Э. Гриневич на краю раскопа, слева в светлом костюме. Урочище Басандайка 1944 г.

(Государственный архив Томской области. Ф. Р-1763. — Оп. 1. — Д. 121. — Л. 21)

Рис. 4. Участники археологической экспедиции на Басандайке (июль-август 1944 г.):

в центре А. П. Дульзон и К. Э. Гриневич

(Государственный архив Томской области. Ф. Р-1763. — Оп. 1. — Д. 121. — Л. 23)

и курганного могильника Басандайка положили начало систематическим археологическим раскопкам в Томской области [20, с. 289–290; 31, с. 31, 188]. Помимо полевых исследований и преподавательской работы, К. Э. Гриневич заведовал университетским Музеем истории материальной культуры. Он провел решительную реорганизацию музея, опираясь на помощь членов студенческих кружков, действовавших при музее [Список: 78]. Работа в Томске была очень непростым, но, как всегда, насыщенным и плодотворным периодом жизни ученого (рис. 4).

НАЛЬЧИК И НЕЖИН

Неизвестные нам жизненные (или политические?) обстоятельства вынудили К. Э. Гриневича в конце 1948 г. покинуть «столицу» Сибири Томск и с молодой женой Валентиной Николаевной Гриневич отправиться в далекую и глухую периферию Нальчик. Как утверждается в некоторых изданиях, К. Э. Гриневич был уволен с занимаемой должности «за пренебрежение успехами советской науки и низкопоклонство перед Западом» [29, с. 198]. Безусловно, известный педагог, ученый и организатор научной и музейной работы должен был укрепить профессорско-преподавательский состав Кабардинского государственного педагогического института. В условиях послевоенного Кавказа К. Э. Гриневичу удалось развернуть масштабные археологические исследования в семи районах Кабарды [Список: 94–96; 98]. На археологические карты были нанесены и изучены многочисленные памятники (поселения, курганы, менгиры) от эпохи палеолита до позднего средневековья (рис. 5). Результаты раскопок К. Э. Гриневича и сегодня имеют большое значение в изучении позднего периода кобинской культуры [20, с. 290].

В автобиографии ученого говорится, что в 1950 г. из-за «вредности климата Кабарды» он переехал в Украину. Можно только догадываться, почему климат Северного Кавказа оказался «вредным» для ученого, который, впрочем, действительно не

отличался отменным здоровьем. До сентября 1953 г. профессор К. Э. Гриневич работал заведующим кафедрой всеобщей истории в Нежинском государственном пединституте имени Н. В. Гоголя. И здесь неутомимый исследователь и педагог создал студенческий археологический кружок, а также провел раскопки в районе Покровской церкви в Нежине [2, л. 3].

ХАРЬКОВ

После смерти И. Сталина в 1953 г. К. Э. Гриневич вместе с семьей вернулся, наконец, в родной Харьков, где был объявлен конкурс на должность заведующего кафедрой истории древнего мира и археологии на историческом факультете Харьковского государственного университета имени А. М. Горького. Последний период научно-педагогической деятельности К. Э. Гриневича достаточно глубоко изучен и освещен в советское время и постсоветский период [9; 10; 15; 20; 26; 33, 34, с. 9–12 и др.]. Специалисты подчеркивают, что, по-прежнему, ведущее место в научных исследованиях ученого занимала проблематика, связанная и с древней историей и античной археологией. Достаточно быстро профессору К. Э. Гриневичу удалось организовать и успешно провести несколько археологических экспедиций в Ольвии (1954–1956 и 1960), в ходе которых изучались оборонительные сооружения города раннего периода его истории (рис. 6, 7) [20, с. 291–292]. В составе экспедиции работали и приобретали бесценный опыт молодые ученые, которые в последующие десятилетия стали признанными специалистами в области археологии и древней истории, В. Н. Даниленко, Б. П. Зайцев, В. И. Кадеев, В. А. Устинова (Латышева), Б. А. Шрамко.

Будучи опытным музееведом, К. Э. Гриневич осуществлял научно-методическое руководство по возрождению старой коллекции артефактов и созданию новой экспозиции Археологического музея университета, который готовился отметить свое 40-летие [Список: 104]. К этой работе привлекались молодые, но уже хорошо зарекомендовавшие себя ученые. На многие годы Археологический музей превратился в важное научно-педагогическое подразделение исторического факультета ХГУ.

В 50–60-е гг. научным трудам К. Э. Гриневича отводили свои страницы ведущие академические издания: «Материалы и исследования по археологии СССР», «Вестник древней истории», «Ученые записки», «Краткие сообщения», тематические сборники и т. п. [34, с. 16–17]. В 1959 г. К. Э. Гриневич на некоторое время вновь стал главным редактором и автором «Херсонесского сборника», который, как известно, был основан по его инициативе еще в 1926 г. [Список: 36; 48; 107]. В этом сборнике была опубликована третья часть его многолетнего и многотрудного историко-археологического исследования оборонительных стен Херсонеса Таврического [Список: 105]. Этот фундаментальный труд до сих пор является своеобразной «платформой» для всех последующих исследований фортификации Херсонеса.

В 60-е гг. профессор К. Э. Гриневич в силу преклонного возраста отошел от активных полевых работ, уделяя внимание анализу и публикации результатов предыдущих исследований [Список: 108; 109]. Кроме того, он, как и в молодости, вернулся к проблемам истории Греции накануне македонского завоевания, внимательно изучая деятельность Исократ [2, л. 25].

В Харькове под руководством К. Э. Гриневича были подготовлены и успешно защищены три кандидатские диссертации. В 1963 г. В. И. Кадеев защитил кандидатскую диссертацию «Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э.». В этом же году, продолжая дело своего научного руководителя, В. И. Кадеев создал Херсонесскую археологическую экспедицию Харьковского госуниверситета, которая до 2013 г. будет проводить масштабные археологические исследования памятников Херсонеса и Чембало (Балаклава). По инициативе профессора В. И. Кадеева в 1978 г. на историческом факультете ХГУ была создана кафедра истории древнего мира и средних веков, которой он руководил до 2007 года. В отечественном научном сообществе кафедра является признанным центром изучения античных древностей и средневековья [35, с. 3–16].

Рис. 5. Группа Кабардинской археологической экспедиции перед выездом на работу:
К. Э. Гриневич крайний справа; четвертая справа В. Н. Гриневич. Июнь, 1949 г.
(из фондов Музея истории ХНУ имени В. Н. Каразина. Ф. 8. — Оп. 4. — П. 9)

Рис. 6. Раскопки оборонительных сооружений Заячьей балки в Ольвии:
Парутино, 1956 г.
(из фондов Музея истории ХНУ имени В. Н. Каразина. Ф. 8. — Оп. 4. — П. 9)

В 1970 г. под руководством К. Э. Гриневича состоялась защита кандидатской диссертации В. А. Латышевой «Особенности исторического развития Боспора на рубеже нашей эры». Позднее доцент В. А. Латышева руководила археологической экспедицией, которая проводила в 1972–1987 гг. раскопки античных поселений в Юго-Западном Крыму. Исследования В. А. Латышевой имеют большое значение в изучении истории херсонесской хоры и не утратили научной актуальности [36, с. 5–6]. Научное наследие В. А. Латышевой было реализовано и получило дальнейшее развитие в трудах современных харьковских археологов [37].

В том же 1970 г. кандидатскую диссертацию «Проблема кризиса и падения Римской республики в русской историографии эпохи разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма (вторая половина XVIII—XIX век)» защитила В. С. Шиловцева. В 1975 г. она перешла на работу в Киевский госуниверситет имени Т. Г. Шевченко, где многие годы выполняла обязанности ученого секретаря исторического факультета.

Под большим влиянием и при активном участии К. Э. Гриневича началась успешная научно-педагогическая карьера В. Н. Даниленко, который сразу после окончания исторического факультета Харьковского университета был направлен для работы в Херсонесский музей-заповедник. Вскоре этот ученик К. Э. Гриневича занял должность заведующего городищем. В 1968 г. в Харьковском университете была защищена кандидатская диссертация В. Н. Даниленко «Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник» [38, с. 7].

Далеко не все из задуманного в это время удалось воплотить в жизнь. В архиве Музея истории Харьковского университета хранится машинописный вариант подготовленного К. Э. Гриневичем развернутого методического труда, посвященного методологии, организации и проведению археологических исследований. Это была полная и глубокая переработка и переосмысление первой книги, вышедшей в свет еще в 1926 г. [Список: 28]. Как подчеркивал К. Э. Гриневич, «книга получила новую методическую целеустремленность», в ней обобщены интереснейшие материалы по организации и проведению археологических раскопок античных памятников Олимпии, Трои, Тамани, Ольвии, а также личный многолетний опыт исследователя-полевого. Конечно, некоторые методологические установки потеряли свою актуальность и представляют лишь историографический интерес: «Для правильного определения понятия и содержания археологии мы должны исходить из глубоко правильных высказываний Энгельса и Маркса». И далее: «Мы не можем по содержанию назвать археологию вполне самостоятельной наукой. Несомненно, она в какой-то мере является подчиненной истории...» [39, с. 9–10]. Разумеется, без таких пассажей в то время рассчитывать на публикацию работы не приходилось. Тем не менее, многие положения методических рекомендаций и ныне с полным основанием могут использовать современные археологи. Безусловно, техническое оснащение археологических экспедиций в последние 20 лет претерпело революционные изменения, однако работа на земле, костях и камне сохранила свою романтическую первозданность, также как требование личного, грамотного и корректного контакта с артефактом, о чем настаивал в своей работе профессор К. Э. Гриневич.

Как известно, после возвращения в Харьков в 1953 г. К. Э. Гриневич возглавил кафедру археологии, древней и средней истории. В 1964 г. историки-медиевисты вышли

Рис. 7. К. Э. Гриневич и А. Ф. Бураков. Определение археологических находок. Ольвия, 1960 г.
(из фондов Музея истории ХНУ имени В. Н. Каразина.
Ф. 8. — Оп. 4. — П. 9)

Рис. 8. Кафедра древней истории и археологии

Харьковского государственного университета им. А. М. Горького:

сидят слева направо: В. А. Устинова (Латышева), К. Э. Гриневиц, Б. А. Шрамко, В. С. Шиловецца. Стоят слева направо: В. К. Михеев, В. З. Фрадкин, В. П. Андриенко, В. И. Кадеев (Харьков, декабрь, 1968) (из архива В. И. Кадеева)

из ее состава и создали кафедру истории средних веков под руководством профессора А. П. Ковалевского. Кафедрой древнего мира и археологии К. Э. Гриневиц руководил до мая 1966 года. Затем до 1969 года он работал в должности профессора и профессора-консультанта. [40, с. 10]. В должности заведующего университетской кафедрой К. Э. Гриневицу удалось собрать на кафедре такой научно-преподавательский состав, которому могли бы позавидовать многие столичные вузы. Например, с момента организации кафедры здесь работал Б. А. Шрамко, ставший крупнейшим специалистом по археологии и истории лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. В 1958–1995 гг. он руководил раскопками Бельского городища в Полтавской области. Материалы Бельской экспедиции Б. А. Шрамко вошли в золотой фонд отечественной археологии [41, с. 270–272]. В 1964 г. в качестве аспиранта на кафедру пришел В. К. Михеев. Позднее профессор В. К. Михеев открывает новые направления в изучении салтово-маяцкой культуры, станет проректором ХГУ, возглавит Центр хазароведения [41, с. 172–174].

Научно-преподавательская деятельность К. Э. Гриневица отличалась академическим либерализмом и демократизмом, столь характерным для классической университетской среды (рис. 8). Под руководством профессора К. Э. Гриневица на заседаниях кафедры регулярно обсуждали результаты научного творчества преподавателей, что порой выливалось в жаркие дискуссии. Иногда на эти заседания приглашали студентов, для которых участие в научной полемике становилось частью истинно университетского образования. Личность К. Э. Гриневица вошла в студенческий фольклор и вызвала к жизни появление нескольких легенд. Одна из них утверждала, что заслуженного профессора, прибывшего в полуразрушенный и разоренный Харьков, встречали на вокзале с цветами и студенческим духовым оркестром. Другая легенда рассказывает, что чересчур либерального профессора вызвали в ректорат, где обвинили в саботаже, подрыве стипендиального фонда, угрожали новой ссылкой и требовали более «объективного» оценивания студенческих ответов на экзаменах [42].

Таким образом, с именем профессора К. Э. Гриневича связаны важнейшие события, которые изменили жизнь крупных научных учреждений: возникновение и становление современного Херсонесского музея, появление археологии и антиковедения в Томском университете, возрождение и дальнейшее развитие науки о древностях и античной археологии в Харьковском университете.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Профессора* Томского университета: Биографический словарь (1920–1945). — Томск, 1998. — Т. 2.
2. *Личное дело* доктора исторических наук, профессора кафедры истории древнего мира Гриневича Константина Эдуардовича // ДАХО. — Ф. Р-2792. — Описание № 20. — Ед. хр. 3101.
3. *Люди и судьбы*: Биобиблиографический словарь репрессированных востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). — СПб., 2003.
4. *Гриневич Константин Эдуардович* // Электронная библиотека ТГУ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Гриневич_Константин_Эдуардович. — Доступ 09.06.2016.
5. Клейн Б. Г., Лаврентьев И. Н., Лейбфрейд А. Ю. и др. Харьков: архитектура, памятники, новостройки. Путеводитель. — Х., 1987.
6. Кушнарченко І. І. Місто Харків та його околиці. Довідник. — Х., 1931.
7. Волков С. В. Российская империя. Краткая история. Гл.12: Российское общество во второй половине XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://salery.livejournal.com/>. — Доступ 10.06.2016.
8. *История ХПИ* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.library.kpi.kharkov.ua/PREPODAVATELY/PR_I.html. — Доступ 11.07.2016.
9. Кадеєв В. І. Костянтин Едуардович Гриневич // Археологія. — 1971. — № 3.
10. Кадеєв В. І. К 75-летию К. Э. Гриневича // СА. — 1967. — № 4.
11. Бузескул В. П. Отзыв о сочинениях [К. Гриневича, Е. Байбакова и неизвестного автора], представленных на историко-филологический факультет Харьковского университета для соискания медалей, на тему: «Греция накануне Македонского владычества. Подготовка эллинизма» // Записки императорского Харьковского университета. — 1913. — Кн. 1, ч. офиц.
12. Владимир Иванович Кадеєв. Воспоминания. — Х., 2013.
13. Список лиц, служащих в Императорском Харьковском университете (на 1 января 1913 г.). — Х., 1913.
14. Лаппо-Данилевский К. Ю. О третьем издании стихов Алкея и Сапфо в переводе Вяч. Иванова // Русская литература. Историко-литературный журнал. — 2016. — № 1.
15. Герасимова Г. Гриневич Костянтин Едуардович // Українські історики XX століття: біобібліографічний довідник. — К., 2004. — Вип. 2. — Ч. 2.
16. Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея: исторический очерк. — Керчь, 1926.
17. Застрожнова Е. Г. Из истории археолого-топографического изучения Фанагории в 1921–1929 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск, 2013. — № 2 (40).
18. Асанова У. К. Музейное дело в Крыму в лицах: Константин Эдуардович Гриневич // Таврійські студії. Історія. — 2012. — № 2.
19. Асанова У. К. Развитие музейной сети в Крымской АССР: археологические профильные музеи 1920–1930 гг. // Культура народов Причерноморья. — 2012. — № 228.
20. Латышева В. А. К. Э. Гриневич как археолог // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. — 2004. — Вып. 5.

21. Асанова У. К. Экспедиционная деятельность государственного Херсонесского историко-археологического музея (20–30-е гг. XX в.): по материалам архивов Санкт-Петербурга и Москвы // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. — 2012. — Т. 25 (64). — № 2.
22. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса—Херсона и его окружи (1914–2005) // МАИЭТ: Supplementum. — Симферополь, 2009. — Вып 6.
23. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Х., 2000.
24. Crimean Chersonesos: city, chora, museum, environs. — Austin, 2003.
25. Ранюк Ю. Н. Загадки подводного Херсонеса. — Х., 1996.
26. Кулагин А. В., Букатов А. А. Результаты экспедиций сезона 2014 года отдела подводной археологии Национального заповедника «Херсонес Таврический» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.chersonesos.org/?p=park_exped10. — Доступ 1.06.2016.
27. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. — М., 2006.
28. Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. — 2009. — № 4.
29. Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940 гг. // РА. — 1998. — № 3.
30. Аупенова А. У. Специфика школьного образования в системе ГУЛага (на примере Долинской школы Карлага) // Теория и практика образования в современном мире: материалы VI междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). — СПб., 2014.
31. Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / сост. Д. В. Хаминов, С. А. Некрылов. — Томск, 2008.
32. Личное дело Гриневича К. Э. // ГАТО. — Ф. Р-815. — Оп. 29. — Д. 88.
33. Кадеев В. И. К. Э. Гриневич как ученый // ВХУ. — 1992. — № 362: История. — Вып. 25.
34. К. Э. Гриневич — профессор Харьковского университета. Библиографический указатель / сост. Р. Г. Березинская, В. И. Кадеев. — Х., 1991.
35. Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета. 30 лет / сост. В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан. — Х., 2008.
36. Латышева В. А. Маслины — античное поселение в Северо-Западном Крыму: статьи и воспоминания / сост. А. П. Мартемьянов, А. Н. Токарев. — Х., 2010.
37. Котенко В. В. Поселення херсонеської хори Маслини у Північно-Західній Тавриці. — Х., 2017.
38. Прохорова Т. А. «Херсонесская эра» Виталия Николаевича Даниленко (по архивным материалам научного архива Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический») // Ученые Записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. — 2016. — Т. 2 (68). — № 1.
39. Гриневич К. Э. Опыт методологии и методики археологической науки. Методическое пособие для студентов-историков 1-го и 2-го курсов. — Харьков, 1960 // Архив Музея истории ХНУ имени В. Н. Каразина. — Вст. 669. — Дело. 442. — Инв. № 1192.
40. Кадеев В. И. Кафедра истории древнего мира и средних веков // Историчний факультет: від покоління до покоління / за ред. С. І. Посохова. — Х., 2004.
41. Історики Харківського університету: біобібліографічний довідник (1905–2013 рр.) / за ред. проф. С. І. Посохова. — Х., 2013.
42. Кравцов В. С. Из ответов на вопросы анкеты выпускника Харьковского государственного университета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.nbuv.gov.ua/old_jrn/soc_gum/khiz/2006_8/Spogady.pdf. — Доступ 21.05.2016.

Резюме

**Д'ячков С. В. Ручинська О. А. Костянтин Едуардович Гриневич (1891–1970). Сто-
рінки біографії**

Стаття присвячена життєвому шляху та науковій діяльності професора К. Е. Гриневича (1891–1970), відомого історика, археолога, педагога, організатора музейної справи. Особлива увага приділяється археологічним дослідженням К. Е. Гриневича в Ольвії, Херсонесі Таврійському, а також вивченню та збереженню пам'яток Боспорського царства. Стаття розкриває значення наукової діяльності К. Е. Гриневича у Сибіру та на Північному Кавказі. Автори приділяють увагу особливостям діяльності вченого, який пережив арешт, заслання та ув'язнення у Карагандинському таборі. У статті характеризується його різноманітна науково-викладацька й організаторська діяльність на посаді завідувача кафедри стародавньої історії та археології в університетах Томська (1940–1948) і Харкова (1953–1969).

Ключові слова: професор К. Е. Гриневич, Харківський держуніверситет, Томський держуніверситет, Херсонеський музей-заповідник, Ольвія, Боспорське царство, ГУЛАГ.

Резюме

**Дьячков С. В., Ручинская О. А. Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970).
Страницы биографии**

Статья посвящена жизненному пути и научной деятельности профессора К. Э. Гриневича (1891–1970), известного историка, археолога, педагога, организатора музейного дела. Особое внимание уделяется археологическим исследованиям К. Э. Гриневича в Ольвии, Херсонесе Таврическом, а также изучению и сохранению памятников Боспорского царства. Статья раскрывает значение научной деятельности К. Э. Гриневича в Сибири и на Северном Кавказе. Авторы уделяют внимание особенностям деятельности ученого, пережившего арест, ссылку и заключение в Карагандинском лагере. В статье характеризуется многообразная научно-преподавательская и организаторская деятельность в должности заведующего кафедрой древней истории и археологии в университетах Томска (1940–1948) и Харькова (1953–1969).

Ключевые слова: профессор К. Э. Гриневич, Харьковский госуниверситет, Томский госуниверситет, Херсонесский музей-заповедник, Ольвия, Боспорское царство, ГУЛАГ.

Summary

**S. Dyachkov, O. Ruchinskaya. Konstantin Eduardovich Grinevich (1891–1970). Pages
of Biography**

The article is dedicated to life and scientific work of professor K. E. Grinevich, a famous historian, archaeologist, teacher and organizer of museum science. Special attention is paid to archaeological researches of K. E. Grinevich in Olbia, Chersonesos of Tauria and to studying and saving of monuments of Bosporian kingdom. The article demonstrates the significance of Grinevich's scientific work in Siberia and Northern Caucasus. The authors pay attention to peculiarities of scientist's work, who experienced arrest, exile and imprisonment in Karaganda labour camp. The article characterizes diverse research, educational and organizational activities in the position of the head of ancient history and archaeology department in the universities of Tomsk (1940–1948) and Kharkov (1953–1969).

Key words: professor K. E. Grinevich, Kharkov State University, Tomsk State University, Chersonesos museum and preserve, Olbia, Bosporian kingdom, Gulag.

Труды К. Э. Гриневича¹

1914

1. Два дня в семивратных Фивах: Из эллинских впечатлений // Гермес. — 1914. — Т. 14. — № 4. — С. 120–125.
2. Дипилонское кладбище: (Керамик): Из эллинских впечатлений // Гермес. — 1914. — Т. 14. — № 9. — С. 270–274.
3. Versus Sapphicus: (О переводах с античных языков) // Гермес. — 1914. — Т. 15. — № 15–16. — С. 420–428.
4. Пер.: Из Сапфо. На возвращение брата / пер. К. Гриневича // Гермес. — 1914. — Т. 14. — № 1. — С. 24.
5. По Элладе // Сб. статей в честь В. П. Бузескула. — Харьков, 1914. — С. 734–766.
То же, отд. отт. — Харьков: Тип. Печат. дело, 1914. — 35 с.

1915

6. Новый взгляд на реформу Клисфена // Гермес. — 1915. — № 13–14. — С. 334–339; № 15–16. — С. 359–368.
7. Четвертая книга Геродота и следы личного знакомства историка с Ольвией // Зап. Харьк. ун-та. — 1915. — Кн. 4. — С. 161–208.

1916

8. Н. П. Кондаков (1866–1916): [Рус. Историк византийского и древнерусского искусства, акад. Петербург. АН] // Гермес. — 1916. — Т. 19. — № 18. — С. 427–430.
9. Курджипская гемма 1896 года // Гермес. — 1916. — Т. 19. — № 15–16. — С. 312–315.

1917

10. Рец.: [Рецензия] // Совр. мир. — 1917. — № 2–3. — С. 403–404. — Рец. на кн.: Вальдгауэр О. Ф. Пифагор Регийский: Исследование в области греческой скульптуры первой половины V в. до Р. Хр. — Пг., 1915. — 188 с.
11. Рец.: [Рецензия] // Совр. мир. — 1917. — № 4–6. — С. 317–318. — Рец. на кн.: Древний мир в памятниках его письменности: в 2 ч. / сост. Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг и др. — М.: Мир, 1915–1916.
Ч. 1: Восток. — 1915. — 160 с.
Ч. 2: Греция. — 1916. — 522 с.
12. Рец.: [Рецензия] // Совр. мир. — 1917. — № 2–3. — С. 401. — Рец. на кн.: Калидаса. Драмы / пер. К. Бальмонта. — М., 1916. — Гл. XXIV. — 342 с.
13. Рец.: [Рецензия] // Совр. мир. — 1917. — № 2–3. — С. 401–402. — Рец. на кн.: Михайловский Б. Архитектурные ордера. — Пг., 1916.
14. Рец.: [Рецензия] // Совр. мир. — 1917. — № 2–3. — С. 399–400. — Рец. на кн.: Персидские лирики X–XI вв. / пер. Ф. Корша. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. — 126 с.
15. Рец.: [Рецензия] // Совр. мир. — 1917. — № 2–3. — С. 402–403. — Рец. на кн.: Флайшланс В. Ян Гус. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. — 145 с.

1918

16. Бронзовый сосуд из Курджипского кургана [на Кубани] // Изв. Археолог. Комиссии. — 1918. — Вып. 65. — С. 45–71; ил.

1920

17. L'archéologie classique de Panticapee: (Introduction aux études archéologiques de Kertch). — Kertch, 1920. — 16 s. — (Edition du Musée des antiquités de Kertch; № 2).

¹ Уточненный список трудов профессора К. Э. Гриневича составлен О. А. Ручинской на основе библиографического указателя, подготовленного к 100-летию со дня рождения ученого: К. Э. Гриневич — профессор Харьковского университета. Библиографический указатель / сост. Р. Г. Березинская, В. И. Кадеев. — Х., 1991. — С. 12–21, № 43–147.

1923

18. Дотатарский период // Путеводитель по Крыму. — Симферополь, 1923. — С. 13–28.

1924

19. Археологические исследования в Керчи // Новый Восток. — 1924. — № 6. — С. 524–525.
20. Новейшие раскопки в Крыму: (Лето 1924 г.) // Красный журнал для всех. — 1924. — № 11. — С. 847–854; ил.

1925

21. Очерки по истории классовой борьбы: (От Вавилона до Парижской Коммуны). — Л.: Мысль, 1925. — 104 с.
22. Что такое Херсонес? Общие предварительные сведения. — Севастополь, 1925. — 16 с.
23. Вместо монастыря — музей: (Письмо из Херсонеса) // Крым. — 1925. — № 1. — С. 80–81; — То же. — Красный Крым. — 1925. — 19 июня.
24. Как заставить говорить камни: Археология на службе обществоведения // Рабфак на дому. — 1925. — № 1. — С. 167–174; № 5. — С. 169–192.
25. Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова // Красный журнал для всех. — 1925. — № 6. — С. 376–379.

1926

26. Панорама обороны Севастополя: [Социально-экономическое введение к событиям 1854–1855 гг. Календарь событий. Описание штурма 6 июня 1855 г. и картины на эту тему профессора Рубо]. — 2-е изд. — Севастополь, 1926.
27. Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу Таврическому. История. Руины. Музей. — Севастополь, 1926. — 160 с.; ил. — (Гос. Херсонес. музей).
28. Опыт методологии археологической науки / Гос. Херсонес. музей. — Севастополь, 1926 (1927). — 56 с.
29. Что такое Херсонес?: Общие предварительные сведения. — 2-е изд., испр. и доп. — Севастополь: Изд. Гос. Херсонес. музея, 1926. — 23 с., ил., пл.
30. Археологические раскопки в Керчи в 1920 г. и исследования вала в 1924 г.: тез. докл. // Бюл. конф. археологов СССР в Керчи. — Керчь, 1926. — № 4. — С. 3.
31. Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом (Корсуни наших древних летописей) // Крым. — 1926. — № 2. — С. 195–196.
32. Итоги и перспективы научно-исследовательской работы в Крыму в области античной культуры: тез. докл. // Бюл. конф. археологов СССР в Керчи. — Керчь, 1926. — № 4. — С. 4.
33. Мраморный Таманский саркофаг: тез. докл. // Бюл. конф. археологов СССР в Керчи. — Керчь, 1926. — № 4. — С. 4.
34. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. // Сообщения ГАИМК. — 1926. — Вып. 1. — С. 321–325.
35. Стены Херсонеса Таврического. [Ч. 1] // ХСб. — 1926. — Вып. 1. — С. 5–72; ил.; — То же, отд. изд. — Севастополь, 1926. — 72 с.
36. Ред.: Херсонесский сборник / под общ. ред. К. Э. Гриневича. — Севастополь: Изд. Гос. Херсонес. музея, 1926. — Вып. 1. — 72 с.

1927

37. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927): Ист. очерк с экскурсионным планом / Гос. Херсонес. музей. — Севастополь, 1927. — 55 с.
38. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Изв. Таврич. об-ва истории, археологии и этнографии. — 1927. — Т. 1 (58). — С. 47–52.
39. Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой в 1927 г. // Вторая конф. археологов СССР в Херсонесе. — Севастополь, 1927. — С. 20–23; ил.
40. Разведка древнейшей оборонительной стены Херсонеса в 1927 г. // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927г.: По случаю столетия херсонесских раскопок (1827–1927). — Севастополь, 1927.

41. Керченская археологическая конференция (5–15 сент. 1926 г.) // Крым. — 1927. — № 1 (3). — С. 192–193.
42. О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Государственного Херсонесского музея // Вторая конф. археологов СССР в Херсонесе. — Севастополь, 1927. — С. 28–30.
43. Отчет о херсонесских раскопках 1926 г. в связи с раскопками 1907–1910 гг. // ХС. — 1927. — Вып. 2. — С. 257–288; ил.
44. Предисловие // ХСб. — 1927. — Вып. 2. — С. 3–4.
45. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. (В свете проблемы исследования древнего городища) // Крым. — 1927. — № 1 (3). — С. 112–121; ил.
46. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2: [Юго-Восточный участок] // ХСб. — 1927. — Вып. 2. — С. 5–98; ил.
47. Сто лет херсонесских раскопок (Севастополь — Херсонес) // Научный работник. — 1927. — № 9. — С. 28–31.
48. Ред.: Херсонесский сборник / под общ. ред. К. Э. Гриневича. — Севастополь: Изд. Херсонес. музея, 1927. — Вып. 2. — 296 с.

1928

49. За новый музей. Херсонесский музей как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве / Гос. Херсонес. музей. — Севастополь, 1928. — 16 с.
50. Херсонес Таврический. История. Руины. Музей: иллюстрированный путеводитель. — 2-е изд., испр. — Севастополь: Гос. Херсонес. музей, 1928. — 112 с.
51. Мраморный Таманский саркофаг // Тр. Секции археологии и искусствознания РАНИОН. — 1928. — Т. 4. — С. 162–177.
52. Очередные задачи музейного строительства в Крыму // Крым. — 1928. — № 2. — С. 60–64.
53. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г.: Предварит. отчет с описанием архитектурного комплекса // Крым. — 1928. — № 2 (8). — Вып. 2. — С. 34–71; ил.
54. Страбоновский Херсонес в свете новейших археологических открытий (памяти Н. М. Печенкина) // Изв. Таврич. об-ва истории, археологии и этнографии. — 1928. — Т. 2 (59). — С. 86–92.
55. Что такое музей: (О просветительном значении музеев) // Изв. ЦБК. — 1928. — № 2. — С. 7–10.

1929

56. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейской экспедиции (7 авг. — 4 сент. 1929 г.) / Гос. Херсонес. музей. — Севастополь, 1929. — 24 с.
57. Что такое Херсонес?: общие предварительные сведения. — 3-е изд., испр. и доп. с прибавлением экскурса в обл. древностей Гераклейского полуострова. — Севастополь, 1929. — 24 с.
58. Краеведческий музей, его задачи, структура и принципы экспозиции // Краеведение. — 1929. — Т. 6. — № 2. — С. 95–109.
59. Музеи [Германии] // БСЭ. — Т. 16. — М., 1929. — Стб. 247–250.
60. Принципы построения генерального плана археологического исследования СССР на краеведной основе // Изв. ЦБК. — 1929. — № 2. — С. 6–9.
61. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг.: предварит. отчет // Крым. — 1929. — № 1. — С. 14–32.
62. Рост территории древнего Херсонеса // Изв. Таврич. об-ва истории, археологии и этнографии. — 1929. — Т. 3 (60). — С. 63–65.
63. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района // Крым. — 1929. — № 2 (10). — С. 38–50.

1930

64. Город Херсонес на дне моря // Хочу все знать. — 1930. — № 24. — С. 704–706; ил.
65. Техника и типы кладок датированных стен античного Херсонеса // Техника обработки камня и металла. — М., 1930. — С. 61–69; ил.

1931

66. Исследования подводного города близ Херсонесского маяка. — М.: Изд. Гос. Акад. искусствознания, 1931. — 60 с. — Прилож.: С. 26–58.

67. К вопросу о методике археологии // Сообщ. Гос. Академии истории материальной культуры. — 1931. — № 4–5. — С. 7–17.
68. Предисловие // ХСб. — Севастополь, 1931. — Вып. 3. — С. 3–4.
69. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера // ХС. — 1931. — Вып. 3. — С. 5–139; 53 ил.
То же, отд. оттиск: по неопубл. Материалам архива Гос. Херсонесского музея. — Севастополь: Изд. Гос. Херсонес. музея, 1931. — 218 с., ил., 2 л. пл.
70. Ancient Greek Town Discovered beneath the Black Sea // VOKS. — 1931. — № 1. — Р. 104–108.
71. The first All-Russian Congress of Museum Workers // VOKS. — 1931. — № 4. — Р. 81–85.
72. Problems of Museum Exposition in the USSR // VOKS. — 1931. — № 10–12. — Р. 138–144.
73. Ред.: Херсонесский сборник. Вып. 3 / под общ. ред. К. Э. Гриневича. — Севастополь: Изд. Херсонес. музея, 1931. — 245 с.

1940

74. Оборонительные сооружения древнегреческой колонии юга СССР: Укрепления Херсонеса и Гераклейского полуострова // Ист. журнал. — 1940. — № 12. — С. 92–98.

1944

75. Древности Томска // Красное знамя. — Томск, 1944. — 6 июня.
76. Немцы за все ответят! // Красное знамя. — Томск, 1944. — 28 янв.
77. Раскопки на Басандайке // Красное знамя. — Томск, 1944. — 25 сент.

1945

78. Путеводитель по отчетной выставке результатов раскопок Объединенной историко-археологической экспедиции Томского государственного университета и Томского государственного педагогического института в Басандайке летом 1944 года. — Томск, 1945.

1946

79. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. — 1946. — № 2. — С. 160–164.
80. Работа кафедры древней истории Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева // ВИ. — 1946. — № 2–3. — С. 156–157.
81. Солон. Ч. 1 (до 594 г. до н. э.): исслед. этюд из истории Афин VI века до н. э. // Учен. зап. Томск. ун-та. — 1946. — № 4. — С. 54–74.
82. Изучать историю Томской области // Красное знамя. — Томск, 1946. — 19 апр.

1947

83. Археологическое исследование урочища Басандайка близ г. Томска, проведенное в 1944–1946 гг. объединенной экспедицией Томск. ун-та и Томск. пед. ин-та // Тр. Томск. ун-та. — 1947. — Т. 98: Басандайка: сб. материалов и исслед. по археологии Томск. обл. — С. 7–49: 5 л. табл.
84. Оборона Боспора Киммерийского на основании археологического материала // Учен. зап. Томск. ун-та. — 1947. — № 7. — С. 57–88.
85. Описание Басандайской керамики // Тр. Томск. ун-та. — 1947. — Т. 98: Басандайка... — С. 127–137.
86. Опыт классификации и датировки Басандайской керамики // Тр. Томск. ун-та. — 1947. — Т. 98: Басандайка... — С. 139–147.
87. Предисловие // Тр. Томск. ун-та. — 1947. — Т. 98: Басандайка... — С. 3–4.
88. Солон. Ч. 2. «Сисахфия» Солона // Учен. зап. Томск. ун-та. — 1947. — № 6. — С. 11–34.
89. Херсонес и Рим // ВДИ. — 1947. — № 2. — С. 228–237.
90. Ред.: Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской обл. — Томск, 1947–1948. — 219 с.: 5 табл., 1 карта, 92 с. ил. — (Тр. Томск. ун-та; Т. 98).

1948

91. Достижения советских ученых в области изучения прошлого Северного Причерноморья // Тр. Томск. ун-та. — 1948. — Т. 100. — С. 33–47.

92. Подготовим кадры археологов // Кабардинская правда. — 1948. — 27 ноябрь.

1949

93. Городище «Прекрасная гавань» в свете новейших данных // ВДИ. — 1949. — № 1. — С. 155–161; ил.
 94. Кабардинская археологическая экспедиция 1949 года // Учен. зап. Кавказ. ун-та. — 1949. — Т. 5. — С. 332.
 95. Археологическое обследование северных районов Кабарды // Кабардинская правда. — 1949. — 20 июля.
 96. Новые работы по археологии Кабарды // УЗ Кабардинского государственного педагогического института. — 1949. — Вып. 2. — С. 235–243.

1950

97. Кабардинский Государственный педагогический институт // ВДИ. — 1950. — № 4 (34). — С. 207–210.

1951

98. Новые данные по археологии Кабарды // Материалы и исслед. по археологии СССР. — 1951. — № 23. — С. 125–139.

1952

99. Юз-Оба: (Боспор. могильник IV в. до н. э.) // Археология и история Боспора. — Симферополь, 1952. — Т. 1. — С. 129–147.

1955

100. Чи був Геродот в Ольвії? // Україна. — 1955. — № 16. — С. 31.
 101. Экспедиция в Ольвию // Красное знамя. — Харьков, 1955. — 3 апр.

1957

102. Досягнення радянських учених у дослідженні античних міст північного Причорномор'я // Учен. зап. Харк. ун-ту. — 1957. — Т. 89: Пр. Іст. фак. — Т. 6. — С. 415–431.
 103. Новые данные о стенах Ольвии V–IV вв. до н. э. // Краткие сообщ. ин-та археологии УССР. — 1957. — Вып. 7. — С. 76–77.

1958

104. Ред.: Археология в ХГУ за 40 лет: путеводитель по выставке в археол. музее ХГУ // сост. В. И. Кадеев. — Х.: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. — 47 с.

1959

105. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3: Южная и западная линии обороны // ХСб. — 1959. — Вып. 5. — С. 75–114; ил.
 106. Аттический краснофигурный оксидах № 1517 из Херсонеса как датировочный термин для древнегреческой оборонительной стены // ХСб. — 1959. — Вып. 5. — С. 115–119; ил.
 107. Ред.: Херсонесский сборник / под общ. ред. К. Э. Гриневича. — Севастополь: Изд-во Гос. Херсонес. музея, 1959. — Вып. 5. — 245 с.

1963

108. К вопросу об экономике архаической Ольвии: По материалам раскопок Харьк. гос. ун-та 1960 г. // Античный город: [сб. ст.]. — М., 1963. — С. 51–54.

1964

109. О достоверности сведений Геродота об Ольвии // ВДИ. — 1964. — № 1. — С. 105–110; ил.

